

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТРАСТЫ В ОБЫДЕННОМ СОЗНАНИИ И В НАУЧНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

В. Б. Кашкин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 5 июня 2011 г.

Аннотация: *проводятся параллели между когнитивными моделями, в рамках которых обыденное сознание и научная лингвистика (в истории своего становления) концептуализируют различия между языками. Выявляются эпистемологические константы обыденной и научной картины языка.*

Ключевые слова: *сопоставление языков, наивная лингвистика, обыденное сознание, история языкознания.*

Abstract: *the paper reviews cognitive models that represent language differences in the history of linguistic science parallel to language users' beliefs. Major epistemological invariables pertinent to both spontaneous (everyday) and scientific concepts concerning language are specified.*

Key words: *languages in contrast, language users' beliefs, everyday cognition, history of linguistic science.*

Обыденные представления о языке и развитие лингвистической науки

Донаучные обобщения языков и культур, их сходств и различий, способов использования и изучения, преподавания иностранных языков и перевода появлялись задолго до формирования лингвистики как науки. Не перестают они существовать и в эпоху научной лингвистики, составляя основу обыденной философии языка и «наивных» представлений о языках, разделяемых, впрочем, большинством их пользователей.

Граница между наивным и научным взглядом на язык и языки не настолько четка, чтобы однозначно провести ее как в историческом, так и в современном планах. При размышлении о водоразделе между наивным и научным знанием о языке и языках возникает масса проблем и вопросов: Откуда, когда и для чего возникает научное знание? Есть ли общее между наивными и научными взглядами? Что происходит с донаучными представлениями после того, как в человеческом сообществе вырабатывается научный взгляд на язык? Лингвистические представления пользователя языка не привлекали серьезного внимания исследователей до последних десятилетий XX в., а их роль в языковом существовании социума и индивида, формировании лингвистики как науки остается до конца не выясненной.

Несомненно, что обыденное и научное знание в сфере языкознания и сопоставления языков многократно перекрещивались. Наивные взгляды послужили

основой для формирования первых прото-теоретических обобщений о языке и языках. Во многих древних цивилизациях существовали определенные религиозные либо философские представления о языке (*a religious or philosophical awareness of language*), представления о сверхъестественном происхождении и характере языка человека и т.п. [1, с. 1]. В современной ситуации наивные взгляды на язык не исчезают бесследно и не «заменяются» научными в повседневной практике пользователя языка. Они существуют параллельно с научными понятиями и теориями как в индивидуальном, так и в общественном познании. На это указывал и Л. С. Выготский: в развитии обыденных представлений мы «восходим от вещей к понятиям», а в освоении научных понятий мы спускаемся вниз, от понятий к вещам [2, с. 920]. Нельзя отрицать и того, что современные обыденные представления о языке находятся под обратным влиянием науки, хотя и большей частью «популярной».

Несмотря на кажущееся противостояние и расхождение в историческом развитии, обыденные представления о языке и научное языкознание в своей исторической динамике проявляют определенные сходства. В основном это касается так называемых эпистемологических констант, определенного повторения схем концептуализации языка. В биологии достаточно распространено представление о том, что онтогенез в определенной степени повторяет филогенез, т.е. развитие индивида отражает стадии развития вида (хотя не все разделяют эту концепцию). Металингвистическое развитие индивида, вероятно, соотносимо также со стадиями и схемами развития

представлений о языке и лингвистических теориях в социально «одобренном» знании.

Автор статьи опирается как на собственные результаты анализа обыденного дискурса о языке на материале анкет, интервью и блогов [3; 4], исследования по истории сопоставления языков [5], так и на результаты, полученные учениками и коллегами, работы которых посвящены метаязыковой рефлексии [6–8], рефлексии изучающих иностранные языки [9; 10] и метафорическим представлениям о переводе [11–13].

Язык и языки в восприятии обыденного сознания

Метаязыковой дискурс (*talking about talking*) – когда предметом обсуждения становится сам язык, его использование и изучение, различия языков и культур – является частью метакогнитивной деятельности в целом (*thinking about thinking*). Метакогнитивные исследования получили весьма широкое распространение в 80–90-е гг. XX в. после работ Дж. Флейвелла, предложившего само понятие метакогниции: «...знание о собственных познавательных процессах и обо всем, что с ними связано, например, о тех свойствах информации или данных, которые значимы для обучения» [14, с. 232].

Одним из наиболее плодотворных направлений стало исследование метакогнитивных аспектов языковой деятельности, особенно в аспекте преподавания (*naïve/folk metalinguistics, Sprachbewußtheit, language awareness, everyday philosophy of language, personal theories/constructs of language/strategies of language learning, language learners' beliefs* и т.п.). Представления и стратегии «наивных пользователей» за рубежом изучались в основном экспериментально (анкеты, интервью, методы психолингвистики, социолингвистики и дискурс-анализа). В отечественной традиции акцент вначале лежал на концептах языка, слова, речи в наивной картине мира, изучавшейся по текстам [15], но в дальнейшем стали появляться и исследования экспериментального характера [3; 6; 7]. В то же время выявленные в разных направлениях способы концептуализации языка в наивной картине мира оказываются вполне сопоставимыми. Наблюдаются также параллели и во взглядах на язык, свойственных современным наивным пользователям, с одной стороны, и во взглядах на язык общества на различных стадиях формирования научных представлений о языке – с другой.

Выявляются два типа представлений о языке: *внутрикультурные* и *межкультурные* мифологемы, по другим параметрам – *когнитивные* (прото-теории) и *процессуальные* (прото-технологии) [4]. Основной когнитивной мифологемой является реификация языковых единиц: слова и другие единицы языка

представляются так, как если бы они были материальными вещами. Это свойство человеческого познания «превращать» нематериальное в материальное называлось еще Г. Башляром *chosisme* [16]. Наивное сознание связывает также напрямую вещь и языковой знак, предпочитая то, что в Древней Греции называлось *φύσει* в противовес *θέσει*; ему свойствен контекстуальный детерминизм: ситуация и контекст механически предопределяют оформление высказывания; семантика реифицированного слова представляется так же, как набор вещественных элементов – значений.

Основным способом концептуализации в наивной металингвистике являются метафоры как первичный механизм познания через сравнение. Контекстуальное окружение вербального выражения концептов, связанных с языком и речью (*слово, язык, говорить, перевод* и т.п.), позволяет выявить способы концептуализации соответствующих явлений, их первичного восприятия и классификации их обыденным сознанием. Основным элементом обыденной металингвистики следует признать концепт «слово», а основной мифологемой бытового восприятия языка – представление слова как дискретной материальной единицы, как вещи (реификация). Одним из следствий реификации слова (*слово-кирпичик, песчинка* и т.п.) является представление о языке как о мешке с кирпичиками-словами, т.е. представление о языке сводится исключительно к словарю, к сумме слов (*язык – это сбор слов; слова находятся в словарях*). Следовательно, высказывание представляет собой цепочку кирпичиков, текст – стену из кирпичей и т.п. Слова и сообщения *передаются* как материальные вещи, «по трубопроводу», ср. *conduit metaphor* [17, с. 290; 18, с. 206].

Нельзя сказать, что обыденная философия языка примитивна, что она окрашена в черно-белые тона. Обыденная лингвистика при доминировании реифицирующей метафоры иногда признает также нематериальность слова, подвижность, нефиксированность значения (ср. *Слово – не воробей, вылетит – не поймашь*). Но чаще всего слово интерпретируется именно как материальная единица, его можно *взять, дать, бросить* и т.п. При этом оно тесно связано с телом, его производящим, выпускающим устные слова наружу (*про-из-носимь*): *He ... choked down the word; I'd never breathe a word*. Особенно ярко вещественная интерпретация слова и языка, наивная онтология и топология языка наблюдаются в анкетах и сочинениях: *Слова содержатся в легких с воздухом, при выдыхании они нередко могут вылететь самопроизвольно; визуально их можно наблюдать в различных словарях. Слова могут быть тяжелыми или легкими, каменными (спрятаться за стеной из слов), сладкими и горькими (итал. *una parola amara*) и т.п.*

Стремление рассматривать язык как материальную сущность наблюдается и на заре научной лингвистики. Прото-теория фóбей приписывала определенные материальные свойства буквам, из которых состоят слова (*жидкая, тягучая λ* и т.п.). Адаму также удавалось быть ближе к природе и принимать участие в сотворении мира путем именовании объектов. Мечта о «совершенном состоянии языка» [19, с. 17–29], спор «об истинности имен» логически вытекали из основ прото-теории фóбей. Для Кратила в именах должна была содержаться истинность или правильность: «некое правильное имя врождено и эллинам и варварам, одно и то же у всех» [20, 383b].

В определенном смысле, миф о языке как об объективном материальном явлении или автономной системе таких явлений [21, с. 12–14] имплицитно действует и до конца XX в. Традиционная лингвистика, по мнению ряда исследователей, всегда абстрагировалась от реально наблюдаемых аспектов коммуникативного поведения человека (*observable aspects of communicative behavior*) и реифицировала эти аспекты, представляя деятельность как продукт, как вещественные единицы [22, с. 64]. Области физического и логического, таким образом, смешивались [23]. Но ведь даже считающийся основателем структурализма Ф. де Соссюр определял языковой знак как двустороннее *психическое* образование: *une entité psychique à deux faces* [24, с. 149]. Действительно, без интерпретатора (наблюдателя, познающего субъекта) любой знак теряет всякий смысл, материальность знака является вспомогательным его свойством, она иррелевантна для выполнения собственно знаковой функции.

Реифицирующая мифологема слова и языка вызывает в наивной лингвистической технологии представления о способах запоминания слов, подобных *складированию*. Реклама языковых курсов изобилует апелляциями к возможности запомнить много слов, подменяя понятие освоения языка механическим запоминанием: *через пару месяцев Вы будете знать около 10 000 слов – как в том самом словаре, который Вы всегда хотели выучить наизусть*. В истории лингвистических учений можно обнаружить параллель в виде прото-теории, приписываемой Цицерону, который сравнивал человеческую память с *'tabulae memoriae'*, восковыми табличками, на которых выдавливались буквы и слова. На сохранившихся рисунках того и более позднего времени реифицирующий характер этой метафоры очевиден.

В наивной лингвистической технологии перевод приравнивается к простой замене слов-вещей исходного языка словами-вещами языка целевого: *Прежде чем перевести текст, я должен перевести слова*. Таких примеров в результатах анкетирования и ин-

тервью более чем достаточно, не говоря уже о многочисленных случаях *mistranslations*, когда пословный перевод дает комический эффект. Есть также несколько «переводческих жалоб» на то, что заказчик отказывался оплачивать работу, поскольку в переводе было *меньше/больше слов*, чем в оригинале – текст перевода воспринимается как товар, состоящий из отдельных материальных частей.

Эпистемологические константы

Наивная и научная картины мира являются не столько антагонистами, сколько взаимодействующими соперниками и даже «сообщающимися сосудами». Эти две разновидности познания мира взаимно дополняют друг друга, служат основой одна для другой и могут фактически сменять одна другую на протяжении истории познания. Многие способы категоризации мира, вербализации знания, концептуализации предметов и явлений выявляют сходные схемы, паттерны в различных сферах познания (*cognitive domains*) – эпистемологические константы. Эти константы обнаруживаются в сферах истории, математики, физики, химии и др. [25; 26; 27, с. 3].

Одной из таких констант можно считать упомянутую выше реификацию нематериальных, абстрактных сущностей, представление их в качестве «единиц», «ментальных объектов» и т.п. Знание в этой метафоре представлено как набор или система материальных элементов, в виде «порций» или «кирпичиков». Знанию свойственны такие качества, как простота и определенность, оно приходит от авторитетного источника (*simple, certain, handed down by authority*) [28, с. 424]. В определенном смысле, это неизбежность того способа познания, которым привыкло пользоваться человечество: примирение континуальности мира и мышления, с одной стороны, и необходимости пользоваться относительно дискретными знаками – с другой.

Взаимоотношение слова и вещи, знака и предмета дает еще одну эпистемологическую константу, связанную с противопоставлением врожденного и приобретенного в биологии и психологии, природного и социального, *nature* и *nurture*, генотипа и фенотипа, объекта и познающего субъекта. Можно ли считать соответствующую оппозитивную пару фóбей vs. θέβει научными теориями либо прото-теориями наивной лингвистики?

В ответах на анкету современные «наивные пользователи» так или иначе отмечали отсутствие произвола в связи слова и предмета, природную мотивированность словесного знака, *natural connection belief* [29, с. 19]. В родном языке слова «соответствуют определенным предметам». Родной язык, как правило, считается «более точным» в этом плане, значение слова в родном языке «правильно соответствует»

обозначаемому предмету. Иностранные слова кажутся «*странными названиями обычных вещей*», наивный пользователь *не верит в истинность* иностранных языков. Выводное и даже эмпирическое знание уступает место вере, представлению, мифу в обыденном сознании.

В дискурсе наивных пользователей о языке противоречивость этих двух принципов проявляется весьма ярко. С одной стороны, «*Хоть горшком назови, только в печь не ставь*» (арбитражность), а с другой – «*У всего должно быть правильное имя*» (природная мотивированность, в которую мифологизированный, магический человек верит все же чуть-чуть больше). В условиях языковых и культурных контрастов, в ситуации межкультурной коммуникации, когда наиболее ярко проявляется именно арбитражность языкового и культурного знака, наивный пользователь чувствует покусение на незыблемость своей эпистемы: *эти странные иностранные слова*.

Возможно, противоречивость также следует признать эпистемологической константой для бытового и научного познания. Правда, в этом случае ее следует назвать диалектическим противоречием, антиномией либо взаимодополнительностью. Как справедливо отмечает Е. С. Улыбина, природа обыденного сознания позволяет различным взглядам и принципам мирно сосуществовать, образуя противоречивые сочетания [30, с. 86, 111], в чем отражается противоречивость самой природы языка, познания, а также возможность изменения позиции наблюдателя. Видимо, не зря Платон в известном диалоге относится к каждому из участников, представляющих две парадигмы, с некоторой долей иронии, «возвышаясь» над спором.

Еще одним примером конкуренции эпистемологических парадигм как в истории лингвистики, так и в истории наивных взглядов на различия языков может служить знаменитая оппозиция перевода: *verbum e verbo* в противовес *sensum de sensu* – переводить слова, форму (материальную?) или смысл, – сформулированная Цицероном и Св. Иеронимом. Хотя последний принцип признан предпочтительным, профессиональные технологии перевода в истории их развития все же балансировали между ними двумя (неприкосновенность формы священных текстов, необходимость перевода «значащей формы» в поэзии, в ироническом дискурсе, словесной игре и т.п.). Тем не менее в современной дидактике перевода «пословный» принцип считается непрофессиональным подходом, равно как и вера в существование некоего единственно «правильного» перевода. Это не помешало первым разработчикам машинного перевода прибегнуть именно к пословной передаче текста оригинала словами целевого языка (комичный результат известен, его можно наблюдать и в наши дни).

Для ситуации контраста культур и языков характерно проведение различий и границ, классифицирование, интенсивная металингвистическая деятельность (преподавание, перевод, сопоставление и т.п.). Сопоставление языков в научных теориях вторично, первейшей ареной сопоставления является сознание наивного пользователя, пересекающего межкультурную границу (*купец, миссионер, студент, эмигрант* и т.п.). В рамках наивной контрастивистики обыденное сознание также вырабатывает свои представления. Создаются мифы о языках, мифы о народах, стереотипы восприятия и взаимодействия с ними и т.п. Как для наивной, так и для научной картин языкового многообразия характерно взаимодействие и конкуренция двух основных принципов, которые можно было бы обозначить как *монолингвизм* и *полилингвизм* [5, с. 13–18].

Родной язык обычно представляется монолингвистически как «*самый красивый, богатый или точный*», что типично и даже необходимо для обыденных представлений (сохранение родного языка, защитная функция и другие факторы). В истории языкознания, тем не менее, встречается также выбор какого-то одного «главного» языка как языка-прародителя и тем самым основания для сравнения как своего рода эталона для сопоставления. Причины выбора в таком случае всегда имеют определенную аксиологическую (культурную, политическую, идеологическую и т.п.) подоплеку. Эталоном служил древнееврейский как язык Библии, *omnium princeps et parens* (Т. Библиандер), несмотря на явное несходство с европейскими, которые с ним сравнивались. Эталоном были греческий и особенно латинский языки в эпоху от Средневековья и до натурализма, когда считалось, что язык *could conform to only one pattern* «может соответствовать только одному строю» [1, с. 2]. Латинские грамматические термины, как и вся римская культура, во многом были «списаны» с греческого эталона, но затем стали исходной моделью описания для всей европейской лингвистики, ведь терминология связана с классификацией, а это уже и есть основа теоретического осмысления языка и языков. Стоит вспомнить критику *Standard Average European*, который, по мнению Б. Л. Уорфа, вплоть до середины XX столетия мешал европейским языковедам понять языки с иной структурной основой. Параллель противопоставлению моно-/полилингвизм паре монологизм/диалогизм, а также последствия предпочтения монолингвизма для сопоставления и преподавания языков проводит и Х. Дуффа [9, с. 109–124].

Несомненной эпистемологической константой являются и парадоксальные взаимосвязи между знанием и верой. Человек стремится к знаниям, но действует в соответствии с желаниями, понятиями, убеждениями, тем, во что он верит. Его повседневно-

ными действиями руководят персональные конструкты (*personal constructs* по Дж. Келли), даже если в образовательных учреждениях ему преподавалось общественно-признанное выводное знание [31, с. 10–12]. В каком-то смысле человеческая природа восстает против искусственного разделения на науку официальную и знания простого человека, «стихийную» диалектику (выражение Ф. Энгельса). Миф натурализует концепт, превращает историю в природу, «естественным» путем продуцирует концепт» [32, с. 98–99]. Представления о языке для наивных пользователей являются предметом не столько рационального знания, сколько нерациональной, естественной, природной *веры* в устройство мира.

Общественное лицо (*public image*) языка получило название народной или наивной лингвистики, но пользователи языка, являющиеся при этом и его создателями, далеко не наивны в обыденном смысле этого слова. Разделение на «ученых» и «неученых» («лингвистов» и «нелингвистов»), вовсе не так трагично, как подсказывает русское слово «неуч», а связано всего лишь с процессами разделения труда в обществе.

Для теоретической лингвистики изучение обыденных представлений о языке может дать двойную пользу. С одной стороны, это объяснение того, каким образом зарождались и развивались представления о языке в человеческой эпистеме, как она сама развивалась при этом. А с другой стороны, прикладной аспект проблемы позволит дать наивным пользователям определенный уровень лингвистического просвещения, о чем еще два столетия назад мечтал В. фон Гумбольдт [33].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Laihiala-Kankainen S.* Reflecting the Past : Early Concepts of Language and Learning / S. Laihiala-Kankainen. – Jyväskylä : Jyväskylän yliopistopaino, 1996. – 60 p.
2. *Выготский Л. С.* Психология развития человека / Л. С. Выготский. – М. : Смысл : Эксмо, 2006. – 1136 с.
3. *Кашкин В. Б.* Бытовая философия языка и языковые контрасты / В. Б. Кашкин // Теоретическая и прикладная лингвистика. Воронеж : ВГУ, 2002. – Вып. 3 : Аспекты метакоммуникативной деятельности. – С. 4–34.
4. *Kashkin V. B.* Chapter 9 : Metalinguistic Activity and Everyday Philosophy / V. B. Kashkin // Language in Action : Vygotsky and Leontievian Legacy Today / ed. by R. Alanen, S. Pöyhönen. – Cambridge : CSP, 2007. – P. 179–202.
5. *Кашкин В. Б.* Языковые контрасты в истории лингвистики / В. Б. Кашкин. – Воронеж : Наука-Юнипресс, 2011. – 242 с.
6. Обыденное метаязыковое сознание : онтологические и гносеологические аспекты / отв. ред. Н. Д. Голев. – Кемерово ; Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2009.
7. *Дебрэнн М.* Французский язык в речевой практике русских : межъязыковая девиатология / М. Дебрэнн. – Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2006. – 386 с.
8. *Шилихина К. М.* Роль контекста в интерпретации иронии / К. М. Шилихина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – № 2. – С. 10–15.
9. *Dufva H.* Languages as objects of learning: language learning as a case of multilingualism / H. Dufva, M. Suni, M. Aro & O.-P. Salo // Apples – Journal of Applied Language Studies. – 2011. – Vol. 5, № 1. – С. 109–124.
10. Beliefs about SLA : New Research Approaches / ed. P. Kalaja, A. M. F. Barcelos. – Dordrecht : Kluwer, 2003. – 259 p.
11. *Шаталов Д. Г.* По образу и подобию : осмысление перевода религиозных текстов в России XVI–XVII вв. / Д. Г. Шаталов // Вестник Московского университета. Сер. 22, Теория перевода. – 2010. – № 4. – С. 38–47.
12. *Кашкин В. Б.* Концептуализация перевода в обыденном сознании и научном представлении / В. Б. Кашкин, Е. А. Княжева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – № 1. – С. 136–141.
13. *Кашкин В. Б.* О метакоммуникации переводчика / В. Б. Кашкин, Д. И. Остапенко // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – № 2. – С. 73–76.
14. *Flavell J. H.* Metacognitive Aspects of Problem Solving / J. H. Flavell // The Nature of Intelligence / ed. Lauren B. Resnick. – Hillsdale, NJ : Lawrence Erlbaum, 1976. – С. 231–236.
15. *Арутюнова Н. Д.* Введение. Наивные размышления о наивной картине языка / Н. Д. Арутюнова // Язык о языке. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 7–22.
16. *Bachelard G.* The New Scientific Spirit / G. Bachelard. – Boston : Beacon Press, 1985. – 190 p.
17. *Reddy M. J.* The conduit metaphor : A case of frame conflict in our language about language / M. J. Reddy // Metaphor and Thought / ed. by Andrew Ortony. – Cambridge : CUP, 1993.
18. *Lakoff G.* Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : UCP, 1980.
19. *Эко У.* Поиски совершенного языка в европейской культуре / У. Эко. – СПб. : Alexandria, 2007. – 423 с.
20. Античные теории языка и стиля : антология текстов. – СПб. : Алетейя, 1996. – С. 40–64.
21. *Harris R.* After Epistemology / R. Harris. – Gamlingay : Bright Pen, 2009. – 194 p.
22. *Jones P. E.* Chapter 4 : Language as Problem and Problematic in the Cultural-Historical and Activity Theory Tradition / P. E. Jones // Language in Action : Vygotsky and Leontievian Legacy Today / ed. by R. Alanen and S. Pöyhönen. – Cambridge : CSP, 2007. – P. 57–78.
23. *Yngve V.* From grammar to science : New Foundations for General Linguistics / V. Yngve. – Philadelphia, PA : John Benjamins. 1996. – 350 p.

24. *Saussure F.* Cours de linguistique générale / F. Saussure. – Wiesbaden : Otto Harrassowitz, 1989. – 515 p.

25. *Lave J.* Cognition in Practice : Mind, Mathematics and Culture in Everyday Life / J. Lave. – New York : CUP, 1988. – 232 p.

26. *Wenden A.* Metacognitive knowledge and language learning / A. Wenden // Applied Linguistics. – 1998. – № 19. – P. 515–537.

27. *Schraw G.* Promoting General Metacognitive Awareness / G. Schraw // Metacognition in Learning and Instruction / ed. by H. J. Hartman. – Amsterdam : Kluwer, 2001. – P. 3–16.

28. *Schommer M.* Are epistemological beliefs similar across domain? / M. Schommer, K. Walker // Journal of Educational Psychology. – 1995. – № 87 (3). – P. 424–432.

29. *Hudson R.* Invitation to Linguistics / R. Hudson. – Oxford, UK ; Cambridge, USA : Wiley-Blackwell, 1993. – 192 p.

30. *Улыбина Е. В.* Психология обыденного сознания / Е. В. Улыбина. – М. : Смысл, 2001. – 263 с.

31. *Нгуен-Ксуан ан.* Ментальные модели физических явлений, связанных с повседневной жизнью (на примере электричества) / ан Нгуен-Ксуан // Иностранная психология. – 1996. – № 6. – С. 7–13.

32. *Barthes R.* Oeuvres complètes / ed. È. Marty. – Paris : Éditions du Seuil, 1993. – Vol. 1. – 1595 p.

33. *Humboldt Wilhelm von.* Über das Sprachstudium, oder Plan zu einer systematischen Encyclopädie aller Sprachen / Wilhelm von Humboldt // Ges. Schriften. – Berlin ; Köln : Preuss. Akad. der Wissenschaften, 1907. – Bd 7. – S. 593–608.

Воронежский государственный университет

Кашкин В. Б., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории перевода и межкультурной коммуникации

E-mail: kashkin2000@mail.ru

Тел.: 8 (473) 220-87-45

Voronezh State University

Kashkin V. B., Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Translation and Intercultural Communication

E-mail: kashkin2000@mail.ru

Tel.: 8 (473) 220-87-45